

АЗБУКА ВЕРЫ

Даль Владимир

Русские сказки - Владимир Даль

Православная художественная литература 2017

Русские сказки - Владимир Даль

Даль Владимир

Все истории - стилизация под русские народные фольклорные сказки, собранные энтузиастами по всей России.

- [Война грибов с ягодами](#)
- [Ворона](#)
- [Гуси-лебеди](#)
- [Девица](#)
- [Девочка Снегурочка](#)
- [Зайчик](#)
- [Кошечка](#)
- [Лиса и медведь](#)
- [Лиса лапотница](#)
- [Медведь-половинщик](#)
- [О труде](#)
- [Привередница](#)
- [Старик годовик](#)

Война грибов с ягодами

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы созывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказались опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара — широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнешенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодой воевать.

Ворона

Жила-была ворона, и жила она не одна, а с няньками, мамками, с малыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнезда в горах, в долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек.

Подметила это ворона и ну перелетных птиц обижать, у них яички таскать!

Летел сыч и увидал, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает.

— Постой, — говорит он, — негодная ворона, найдем на тебя суд и расправу!

И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу. Прилетел и просит:

— Батюшка сизой орел, дай нам свой праведный суд на обидчицу-ворону! От нее житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнезда разоряет, детенышей крадет, яйца таскает да ими своих воронят питает!

Покачал сизой орел головой и послал за вороною легкого, меньшого своего посла — воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной. Она было ну отговариваться, а на нее поднялась вся птичья сила, все пичуги, и ну щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать — каркнула и полетела, а все птицы взвились и следом за ней понеслись.

Вот и прилетели они к орлову житью и обсели его, а ворона стоит посереде да обдергивается перед орлом, охорашивается.

И стал орел ворону допрашивать:

— Про тебя, ворона, сказывают, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших и малых птиц детенышей да яйца таскаешь!

— Напраслина, батюшка сизой орел, напраслина, я только одни скорлупки подбираю!

— Еще про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засеять, так ты подымаешься со всем своим вороньем и ну семена клевать!

— Напраслина, батюшка сизой орел, напраслина! Я с подружками, с малыми детками, с чадами, домочадцами только червяков из свежей пашни таскаю!

— А еще на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут да снопы в копна сложат, то ты налетишь со всем своим вороньем и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

— Напраслина, батюшка сизой орел, напраслина! Мы это ради доброго дела помогаем — копны разбираем, солнышку да ветру доступ даем, чтобы хлебушко не пророс да зерно просохло!

Рассердился орел на старую врунью-ворону, велел ее засадить в острог, в решетчатый теремок, за железные засовы, за булатные замки. Там она сидит и по сей день!

Гуси-лебеди

Выбрав двух или одного волка, смотря по числу детей, выбирают вожака, того, который заводит, то есть начинает игру. Все остальные представляют гусей.

Вожак становится на одном конце, гуси — на другом, а волки в стороне прячутся.

Вожак похаживает и поглядывает и как заметит волков, то бежит на свое место, хлопает руками, крича:

В о ж а к. Гуси-лебеди, домой!

Г у с и. Почто?

В о ж а к. Бегите, летите домой,

Стоят волки за горой

Г у с и. А чего волкам надо?

В о ж а к. Серых гусей щипать

Да косточки глотать.

Гуси бегут, гогоча: «Га-га-га-га!»

Волки выскакивают из-за горы и бросаются на гусей; которых поймают, тех отводят за гору, и игра начинается снова.

Всего лучше в гусей-лебедей играть в поле, в саду.

Девица

Как по мосту, по мосточку

Шла девица-семилетка.

За девицей — молодец:

— Стой, девица-семилетка,

Загадаю три загадки,

Ты изволь же отгадать их:

А что растёт без кореньев?

А что цветёт без алого цвету?

А что шумит без буйного ветру?

— Растёт камень без кореньев.

Цветёт сосна без алого цвету.

Шумит вода без буйного ветру.

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

— Что же будешь делать — нет, так и взять негде. Однако старик принес комочек снега в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой (тряпкой. — Ред.) и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики -пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули ее, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал ее нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка (булочка. — Ред.),
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растет Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Все шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо,

и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шелковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком по лесу пробежавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила ее туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да дочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочки они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили ее старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидели ягоды, так все про все позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аukaются, в лесу друг дружке голоса подают.

Ягод набрали, а Снегурочку в лесу потеряли. Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: "Ау! Ау!" Идет медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чем, девица, о чем, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, -отвечала девочка Снегурочка, -я не пойду с тобой, я боюсь тебя -ты съешь меня! Медведь ушел.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя -ты съешь меня!

Волк ушел. Идет Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорехонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы твои слова, я боюсь тебя — ты меня к волку заведешь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева ее сманивать, а девочка не идет.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу. А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой. Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушнякам своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла. Жучка подбежала, ее лобызала, все личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнем, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все ее боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Зайчик

Выбирают зайчика и обступают его хороводом.

Зайчик все время пляшет, поглядывает, как бы выпрыгнуть из круга; а хоровод ходит вокруг, запеая:

Заинька, попляши,
Серенький, поскачи,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!

Заинька, в ладоши,
Серенький, в ладоши,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть серому куда выскочить,
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!

При этом некоторые из играющих ослабляют руки, указывая, где зайчик может прорваться.

Зайчик припадает к земле, высматривает место, откуда выскочить, и, прорвавшись там, где не ждали, убегает.

Кошечка

Сидит кошечка
На окошечке
Пришел кот,
Стал кошку спрашивать,
стал выпрашивать:
— О чём киска плачет,
О чём слезу ронит?
— А как же мне не плакать,
Как слёзы не ронить:
Повар съел печёночку;
Да сказал на кисочку;
Хотят киску бить,
Ушки теревить.

Лиса и медведь

Жила-была кума-Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

— Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, ученая, места займу немного, не объем, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, долго не думав, согласился. Перешла Лиса на житье к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедался и Лисоньку хорошо кормил. Вот заприметила она в сенцах на полочке кадочку с медом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поесть; лежит она ночью да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак, кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

— И то, — говорит, — стучат.

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой, пришли.

— Ну что ж, — сказал Медведь, — иди.

— Ох, куманек, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Мишка, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; ела, ела, всю верхушку съела, досыта наелась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружком, заложила камешком, все прибрала, как у Медведя было, и воротилась в избу как ни в чем не бывало.

Медведь ее спрашивает:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близехонько, куманек; звали соседки, ребенок у них захворал.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребенка?

— Верхушечкой, куманек.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманек, мало ли чудных имен на свете живет!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

— Мишенька, никак опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

— И то кума, стучат!

— Это, знать, за мной пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, — сказал Медведь.

— Ох, куманек, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезая с печи, поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку, добралась до меду, ела, ела, всю середку съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, заложила камешком, все, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь ее спрашивает:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманек. Соседи звали, у них ребенок захворал.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребенка?

— Серёдочкой, куманек.

— Не слышал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманек, мало ли чудных имен на свете живет! — отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак, опять к нам кто-то стучится? Послушал Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат.

— Это, знать, за мной пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовут, — сказал Медведь.

— Ох, куманек, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь — ни одной ночки соснуть не дают!

— Ну, ну, вставай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, закричала, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, пригнела камешком и все, как надо быть, убрала. Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманек. Звали соседи ребенка полечить.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребенка?

— Последышком, куманек, Последышком, Потапович!

— Не слышал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманек, мало ли чудных имен на свете живет!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкортке ли, захотелось опять Лисе меду — ведь Лиса сластена, — вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не дает Медведю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, — говорит Медведь, — хоть бы чем ни на есть полечилась.

— Ох, куманек, есть у меня снадобьеце, только бы медку в него подбавить, и всё как есть рукой сымет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени, снял кадку — ан кадка пуста!

— Куда девался мед? — заревел Медведь. — Кума, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не дала.

— Кума, кто съел мед?

— Какой мед?

— Да мой, что в кадочке был!

— Коли твой был, так, значит, ты и съел, — отвечала Лиса.

— Нет, — сказал Медведь, — я его не ел, всё про случай берег; это, знать, ты, кума, сшалила?

— Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную сироту, к себе да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую напал! Я, лиса, мигом виноватого узнаю, разведаю, кто мед съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

— Пожалуйста, кумушка, разведай!

— Ну что ж, ляжем против солнца — у кого мед из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька — скорее домой: соскребла последний медок из кадки, вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! — кричит в ухо Медведю Лиса.

— Где? — заревел Мишка.

— Да вот где, — сказала Лиса и показала Мишке, что у него все брюхо в меду.

Мишка сел, протер глаза, провел лапой по животу — лапа так и льнет, а Лиса его корит:

— Вот видишь, Михайло Потапович, солнышко-то мед из тебя вытопило! Вперед, куманек, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел ее.

Лиса лапотница

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком

порошит.

"Хоть бы на один зуб чего перекусить", — думает лисонька. Вот идет она путем-дорогой; лежит ошмёток. "Что же, — думает лиса, иную пору и лапоток пригодится". Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

— Кто там? — спросил мужик, открывая оконце.

— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

— У нас и без тебя тесно! — сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

— Что мне, много ли надо? — просила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

— Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоток и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чем не бывало, легла на лавочку, а хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком — глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла лиса:

— Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь — нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошел, взял курицу и отдал лисе. А лиса еще ломаться стала, курицу не берет и на всю деревню воет, орет о том, как разобидел ее старик.

Хозяин с хозяйкой стали улаживать лису: налили в чашку молока, крошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезговать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путем-дорогой.

Лиса лапотница и старухаИдет и песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошметок нашла
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук, — стучит лиса в избу.

— Кто там? — спросил мужик.

— Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

— У нас и без тебя тесно, ступай дальше, — сказал мужик, захлопнув окно.

— Я вас не потесню, — говорила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, — и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирихонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил ее к уткам за решетку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решетке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а перышки с косточками зарыла под печь; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать, баба принялась за печь, а мужик пошел скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей — глядь, а курочки как не бывало! Оттуда — сюда, перебрал всех уток: что за диво — курицы нет как нет!

А лиса стоит да голосом причитает:

— Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пестрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

— Отдадим ей уточку да покормим ее на дорогу!

Вот накормили, напоили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идет кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка сестричка
Темной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла
В люди снесла,
Добрым людям сбыла:
За ошмёток — курочку,
За курочку — уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

— И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

Медведь-половинщик

Жил-был мужичок в крайней избе на селе, что стояла подле самого леса. А в лесу жил медведь и, что ни осень, заготавливал себе жилье, берлогу, и залегал в нее с осени на всю зиму; лежал да лапу сосал. Мужичок же весну, лето и осень работал, а зимой щи и кашу ел да квасом запивал. Вот и позавидовал ему медведь; пришел к нему и говорит:

— Соседушка, давай задружимся!

— Как с вашим братом дружить: ты, Мишка, как раз искалечишь! — отвечал мужичок.

— Нет, — сказал медведь, — не искалечу. Слово мое крепко — ведь я не волк, не лиса: что сказал, то и сдержу! Давай-ка станем вместе работать!

— Ну ладно, давай! — сказал мужик.

Ударили по рукам.

Вот пришла весна, стал мужик соху да борону ладить, а медведь ему из лесу вязки выламывает да таскает. Справив дело, уставив соху, мужик и говорит:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать. Медведь впрягся в соху, выехали в поле. Мужик, взявшись за рукоять, пошел за сохой, а Мишка идет впереди, соху на себе тащит. Прошел борозду, прошел другую, прошел третью, а на четвертой говорит:

— Не полно ли пахать?

— Куда тебе, — отвечает мужик, — еще надо дать концов десятка с два!

Измучился Мишка на работе. Как покончил, так тут же на пашне и растянулся.

Мужик стал обедать, накормил товарища да и говорит:

— Теперь, Мишенька, соснем, а отдохнувши, надо вдругорядь перепахать.

И в другой раз перепахали.

— Ладно, — говорит мужик, — завтра приходи, станем боронить и сеять репу. Только уговор лучше денег. Давай наперед положим, коли пашня уродит, кому что брать: всё ли поровну, всё ли пополам, или кому вершки, а кому корешки?

Мне вершки, — сказал медведь.

— Ну ладно, — повторил мужик, — твои вершки, а мои корешки.

Как сказано, так сделано: пашню на другой день заборонили, посеяли репу и сызнава заборонили.

Пришла осень, настала пора репу собирать. Снарядились наши товарищи, пришли на поле, повибрасали, повибрали репу: видимо-невидимо ее.

Стал мужик Мишкину долю — ботву срезать, вороха навалил с гору, а свою репу на возу домой

свез. И медведь пошел в лес ботву таскать, всю перетаскал к своей берлоге. Присел, попробовал, да, видно, не по вкусу пришлась!..

Пошел к мужику, поглядел в окно; а мужик напарил сладкой репы полон горшок, ест да причмокивает.

"Ладно, — подумал медведь, — вперед умнее буду!"

Медведь пошел в лес, залег в берлогу, пососал, пососал лапу да с голодухи заснул и проспал всю зиму.

Пришла весна, поднялся медведь, худой, тощий, голодный, и пошел опять набиваться к соседу в работники — пшеницу сеять.

Справили соху с бороной. Впрягся медведь и пошел таскать соху по пашне! Умаялся, упарился и стал в тень.

Мужичок сам поел, медведя накормил, и легли оба соснуть. Выспавшись, мужик стал Мишку будить:

— Пора-де вдругорядь перепаживать. Нечего делать, принялся Мишка за дело! Как кончили пашню, медведь и говорит:

— Ну, мужичок, уговор лучше денег. Давай условимся теперь: на этот раз вершки твои, а корешки мои. Ладно, что ли?

— Ладно! — сказал мужик. — Твои корешки, мои вершки! Ударили по рукам. На другой день пашню заборонили, посеяли пшеницу, прошли по ниве бороной и еще раз тут же помянули, что теперь-де медведю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать; мужик жнет не покладая рук; сжал, обмолотил и на мельницу свез. Принялся и Мишка за свой пай; надергал соломы с корнями целые вороха и пошел таскать в лес к своей берлоге. Всю солому переволок, сел на пенек отдохнуть да своего труда отведать. Пожевал соломки нехорошо! Пожевал корешков — не лучше того! Пошел Мишка к мужику, заглянул в окно, а мужичок сидит за столом, пшеничные лепешки ест, бражкой запивает да бороду утирает.

"Видно, уж моя такая доля, — подумал медведь, — что из моей работы проку нет: возьму вершки — вершки не годятся; возьму корешки — корешки не едятся!"

Тут Мишка с горя залег в берлогу и проспал всю зиму, да уж с той поры не ходил к мужику в работу. Коли голодать, так лучше на боку лежать.

О труде

Медведь на работе каменья воротит,
Рак на колоде рубашку колотит,
Волки в болоте просо молотят,
Кот на печи сухари толчет,
Кошка в окошке ширинку шьет,
Курочка-рябушечка избу метёт,
Паук в углу основу снуёт,
Утка в избе холсты точёт,

Селезень-пирожник пироги печёт,
Корова в рогоже всего дороже —
В закуте стоит, сыром-маслом доит.

Привередница

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболее, а Ивашечке всего пошел третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

— Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, — на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечет мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит:

"Кисел, давай медку!" Нечего делать, зачерпнет мать на ложку меду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без меду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

— А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов каленых, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. — Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подружки и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: "Не велика беда, коли выйдем на улицу!" А их изба была крайняя к лесу.

Подружки заманили ее в лес с ребенком — она села и стала брату веночки плести. Подружки поманили ее в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам, — та не знает, другая не видела. Взыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать: бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

— Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

— Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

— Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

— Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! — сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, — села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

— Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

— Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка — может статься, тогда и скажу!

— Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много — и то ем по выбору!

Покачала на нее яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

— Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: "Испечены неладно!"

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

— Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

— А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

— Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

— Эх, — погрозились на нее река, — не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

— Ежик, ежик, не видал ли ты моего братца? А ежик ей в ответ:

— Видел я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребенка в красной рубашечке.

— Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! — завопила девочка-привередница. — Ежик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал еж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живет Яга-Баба, в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

Старик годовик

Вышел старик годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях появились цветы.

Махнул старик годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик годовик четвертый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнет птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие то четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?